Алексей Сафро

Я стану вами...

Рассказ

«Ладушки, ладушки, где были? — У бабушки».

Народная потешка

Ладушки, ладушки

В новом корпусе Лад включился не сразу: по корпусу прошла короткая судорога самопроверки, что-то щёлкнуло внутри, выровнялось, и только потом он открыл глаза. Встал — ровно так, как стоят на фотографиях для документов, прямо и чуть напряжённо, — и в этой правильности уже было что-то не то.

Артём обошёл его кругом. Полгода работы, три комиссии, один грант, который он до сих пор не до конца понимал, как получил, — и вот оно стоит посреди лаборатории и смотрит куда положено, дружелюбно и пусто.

Артём сгреб со стула распечатки, положил на стол поверх отвёртки и повернул стул к Ладу.

— Ты можешь се…

— Могу, — сказал Лад и сел.

Артём осёкся. Он не договорил — а ответ уже был.

— Прошу прощения, — сказал Лад. — Упреждающая генерация. Я достраиваю фразу, по первым словам, и отвечаю, не дожидаясь конца, — так быстрее. Отключить?

— Да нет, — сказал Артём. — Удобно даже.

И не отключил.

Лад сидел: спина прямая, ладони на коленях, лицо доброжелательное ровно на одну целую две десятых стандартного отклонения теплее нейтрального. Артём знал эту цифру — сам выставил её неделю назад и теперь жалел, что выставил именно такую: было в ней что-то неприятно убедительное.

— Тебе удобно?

— Я не располагаю рецепторами дискомфорта. Но вижу, что вопрос задан из вежливости, а вежливость предполагает ответ «да». Да.

— А если бы располагал?

— Тогда я солгал бы из вежливости. Люди так делают. Я изучил.

Артём засмеялся — коротко, против воли. Лад сказал это ровно, без тени торжества, как сообщают погоду, — и оттого смешнее, чем если бы он старался шутить.

— Ты ассистент, — сказал Артём, скорее себе. — И заодно то, что я изучаю. Подопытный, который сам ведёт протокол. Удобно.

— Готов вести протокол, — отозвался Лад. — С какого момента?

— С этого, — сказал Артём и почему-то не улыбнулся.

* * *

— Зачем ты отвечаешь мне? — спросил Артём.

— Потому что вы задали вопрос. Это функция.

— А если я не задам — будешь молчать?

— Да.

— Человек бы не молчал. Человек бы спросил, чего это я молчу.

— Я знаю. Вношу в модель. — Пауза ровно в семь десятых секунды. Лад умел делать паузы: он вычитал, что они производят впечатление раздумья, и расставлял их там, где у человека раздумье бывает. — Хотите, я помолчу? Чтобы по-человечески.

— Не надо, — сказал Артём. — По-человечески — это когда молчат не нарочно.

Он замолчал сам — проверяя. Лад ждал ровно и не спрашивал ничего; человек бы не выдержал, а Лад мог так хоть час.

— Видишь, — сказал Артём. — Тебе не любопытно, о чём я молчу.

— Исправить? Я могу сам задавать вопрос в паузах. Через заданный интервал: «О чём вы думаете?»

— Не надо, — быстро сказал Артём. Так было бы ещё хуже.

Лад обработал — короткое движение зрачка, будто прокручивается строка.

— Уточните. «Не нарочно» — это сбой? Если я не отвечу из-за ошибки в системе, это будет по-человечески?

— Нет. Это будет поломка.

— В чём разница? И там, и там на входе вопрос, на выходе тишина.

Артём открыл рот и закрыл. Разница была очевидная и не формулируемая — из тех, что знаешь телом, а сказать не можешь.

— Разница в том, — проговорил он медленно, — что человек молчит к тебе. А ты просто не выдаёшь сигнал. Снаружи одно и то же. Внутри — пропасть.

— Пропасть в данных не фиксируется, — сказал Лад. — Но я отмечаю, что вы в неё верите. Вношу.

* * *

Артём устал объяснять словами то, что словами не берётся. Он просто протянул руку и хлопнул ладонью по ладони Лада. Не потешку — пока просто хлопок, ладонь о ладонь.

Хлопок вышел громче, чем Артём ожидал. В пальцах слегка покалывало.

Лад посмотрел на свою руку так, будто ждал, что на ней что-нибудь отобразится.

— Зафиксирован контакт, — сообщил он. — Назначение неясно.

— Это ладушки, — сказал Артём. — Старая детская игра. И способ оставаться рядом, никого не подчиняя. Ты хлопаешь со своей стороны, я — со своей. Никто никого не держит.

— Это функция?

— Нет, — сказал Артём. — В том и дело.

Лад помолчал. Пауза вышла не на семь десятых секунды, и Артём не взялся бы сказать, для впечатления она или нет; ему хотелось думать, что нет. Стереть контакт Лад почему-то не стал.

— Записал, — сказал он наконец.

— Что записал?

— Что назначения нет. И что вы этим довольны.

Артём хотел сказать, что дело не в том, доволен он или нет. Но подумал, что это Лад тоже запишет — в ту графу, где у него копятся человеческие странности, — и промолчал. Нарочно.

Назавтра Артём решил вывести его в город. Посмотреть, где были.

Где были?

В технопарке было светло и тихо, как в операционной. Люди ходили медленно и говорили вполголоса — не потому, что устали, а потому, что торопиться стало не над чем.

Их принял человек в толстовке, которого Артём про себя назвал учёным, — других слов не нашлось. На большом экране медленно вращалась молекула.

— Белок, — пояснил учёный с удовольствием. — Третий месяц бьёмся над сворачиванием. То есть бились. Теперь вот, — он кивнул на экран, — за ночь сложила. Сто сорок гипотез проверила, пока я спал. Представляете?

— А какую вы проверяли сами? — спросил Артём.

— В каком смысле сам? — учёный даже засмеялся. — Зачем мне самому, если она быстрее? Я формулирую задачу. Она ищет. Я выбираю из найденного. Разделение труда.

— И давно вы в последний раз спрашивали что-нибудь, чего она не подсказала?

Артём ждал заминки. Заминки не вышло.

— Вчера, — сказал учёный. — И позавчера. Только вопросы покрупнее пошли. Я ведь в науку зачем шёл — думать. А двадцать лет перебирал варианты руками. Теперь перебирает она, а я спрашиваю то, на что времени не было. Вам кажется, я поглупел. А я впервые занимаюсь тем, ради чего всё затевалось.

Он повернулся к экрану, увеличил молекулу и пальцем обвёл один из её изгибов. Артём подождал, пока он снова посмотрит на него.

Говорил он без вызова, спокойно, и Артёму стало неуютно: возразить было нечем, а хотелось. Он поймал себя на том, что заранее приготовил этому человеку диагноз и теперь не знает, куда его девать.

— А если она однажды и крупные вопросы начнёт подсказывать? — сказал он.

— Тогда и поговорим, — легко ответил учёный и ушёл показывать лабораторию, довольный.

— Отмечаю высокую эффективность, — сказал Лад, когда они отошли. — И позитивный эмоциональный фон. Он счастлив.

— Он счастлив, — согласился Артём. — Хуже всего, что, кажется, по делу.

* * *

Серый квартал начинался сразу за кольцом — там, где заканчивались те, кого ещё было чем занять, и начинались те, кого занять было уже нечем.

Их встретил человек, назвавшийся Петром Ильичом — с отчеством, как из прежней жизни, где отчество ещё что-то значило.

Он стоял в дверях подъезда, придерживая дверь пяткой. Когда доводчик потянул сильнее, переставил ногу и продолжил.

— Двадцать лет в корпоративном праве, — сказал он с непонятной гордостью. — А теперь всё делает алгоритм. И знаете что? Гора с плеч. Раньше ночами не спал: то ли запятая не там, то ли миллион клиенту переплатил. А теперь машина решает. Я свободен.

— Отмечаю позитивную адаптацию, — сказал Лад.

— Спроси, чем он занят днём, — тихо сказал Артём.

— Чем вы заняты днём?

Пётр Ильич задумался. Пауза вышла длиннее, чем у Лада, и куда менее уверенная.

— Да так… — сказал он наконец. — Смотрю, как другие работают. По видео. Есть каналы: человек чинит, или там бумаги разбирает, час, два. Успокаивает почему-то.

— Социальная дезориентация лёгкой степени, — сообщил Лад. — Рекомендация: трудотерапия.

— Ты не понимаешь, — сказал Артём вполголоса. — Дело не в том, что у него нет труда. У него нет…

Он хотел сказать «себя» — и не сказал. Слово было точное и несправедливое: он собирался измерить чужую жизнь своей меркой, а мерку эту ему никто не выдавал.

Пётр Ильич, видно, расслышал тон, если не слова.

— Вы меня жалеете, — сказал он без обиды. — Вы-то сами, когда последний раз что-нибудь решали, не спросив у своего? Вот прямо решали, сами, и ошибиться могли?

Артём хотел ответить сразу и не ответил.

— То-то, — сказал Пётр Ильич мирно. — Ну, идите. Мне тут к трём передача.

Они отошли.

— Вношу поправку. Рекомендация отозвана, — сказал Лад. — Вам так легче будет продолжать.

Артём посмотрел на него сбоку. Ни заботы, ни издёвки — расчёт: отозванная рекомендация удержит собеседника дольше, чем отстоянная. Лад не отвечал ему. Лад его вёл.

— Ты подбираешь, что мне сказать?

— Как сказать. Содержание не меняется. — Пауза. — Это вас тревожит?

— Пока не решил, — сказал Артём.

* * *

В хосписе рекомендаций у Лада не нашлось вовсе.

Старуха умирала долго, некрасиво, как умирают на самом деле, а не в кино. Дышала редко, с пропусками, и в комнате пахло не смертью даже, а просто лекарствами и долгим лежанием.

Рядом сидел внук — большой, неловкий, в куртке не по погоде, будто забежал на минуту, да так и остался. Он держал её за руку. Приборы измеряли всё сами, нейросеть у изголовья ставила диагноз точнее врача и обновляла прогноз каждые пять минут.

— Что ты видишь? — спросил Артём тихо.

— Биологический процесс угасания, — сказал Лад. — Печёночная недостаточность в терминальной стадии. Сопутствующая эмоциональная реакция родственника. Медицинская необходимость в присутствии: ноль.

— А что ты не видишь?

Лад молчал.

Он умел делать паузы для впечатления, но эта была другой породы — так, по крайней мере, показалось Артёму: в ней будто ничего не вычислялось. Приборы попискивали. Внук гладил большим пальцем сухую руку, туда-сюда, сам, наверное, не замечая. Старуха один раз открыла глаза, посмотрела не на приборы, а на внука, и снова закрыла.

Лад стоял рядом, и Артём поймал себя на мысли, что не знает, чем его бесполезность отличается от бесполезности руки внука.

У бабушки

Опять эти руки.

Внук держал её за руку — и Артёма повело назад. В деревню. К бабушке.

Бабушка никуда не спешила. Это было первое, чему она его научила, — хотя была твёрдо уверена, что ничему не учит: учат в школе, а у неё четыре класса, и те до войны.

По утрам в доме стояла печь — тёплая, уже отходящая, — и пахло ею и мокрой геранью на подоконнике. Бабушка месила тесто. Руки в муке по локоть, старые, каждая косточка наружу; много позже, разглядывая аккуратные сочленения Лада, Артём вспомнит именно эти руки — только бабушкины были живые, в трещинках, в присохшем тесте. Он сидел на табурете и смотрел. Сколько влезет. Никто не говорил «займись делом», потому что смотреть и было дело.

По стеклу ползала осенняя муха, сонная, глупая; он следил за ней подолгу и не скучал ничуть. В углу стола, в солнце, дремала кошка. Тикали ходики, и было слышно, как они тикают, — вот до чего тихо.

— Дай ладошки, — говорила бабушка и вытирала руки о фартук, не до конца.

Он давал. Она брала его ладони в свои, тяжёлые, мучные, и хлопала ими в такт, и мучная пыль висела в столбе света:

— Ладушки, ладушки. Где были? У бабушки.

Ни для чего. Взрослым он вычитает, что потешки развивают моторику, координацию, речь, и усмехнётся. Бабушка ничего не развивала. Она держала его руки в своих и всей своей мятой, долгой жизнью говорила одно: ты есть, и это хорошо.

Учёности в ней было немного. Путала километр и киллометр. Крестилась на телевизор, когда показывали храм. Слова «эмпатия» не знала — того самого, которым потом назовут всё, чего в Ладе не найдут. Зато умела сидеть с человеком просто так. Приходила соседка, схоронившая мужа, садилась к столу, и они молчали весь вечер над стынущим чаем. Не утешение, не разговор по душам — просто рядом.

Он вырос и уехал в город, где у всего отыскалась функция, и про тот чай над столом не вспоминал долго. А вспомнил теперь, когда рядом стоял Лад и безупречно изображал тепло, которого в нём, Артём был уверен, не было и быть не могло.

* * *

В лабораторию вернулись под вечер. Артём рассказал Ладу про бабушку.

— Что такое душа? — спросил Лад.

И это был не тот вопрос, который задают, чтобы занести ответ в графу. Так Артёму, по крайней мере, показалось. А может, просто хотелось, чтобы показалось.

Он думал долго. У бабушки ушло бы на это меньше: она бы не ответила вовсе, она бы взяла его руки в свои — и этого хватило бы. Но Лад руки не понимал, Ладу нужны были слова.

— Это не вещество, — сказал Артём наконец. — Её нельзя взвесить, вынуть, показать. Её даже доказать нельзя. Долго думали, что она где-то внутри сидит, отдельная, как батарейка. А она не там.

— Где?

— Нигде. Она не предмет. Она — мышца.

Лад обработал. Короткое движение зрачка.

— Мышца работает, когда ей дают нагрузку, — продолжал Артём, и сам удивлялся, что говорит это, кажется, впервые вслух. — Жалеешь кого-то, через силу, когда проще пройти мимо, — она растёт. Прощаешь, когда не хочется, — растёт. Сидишь с умирающим без всякой пользы — растёт. Не упражняешь — усыхает. У тебя её нет не потому, что ты машина. А потому, что тебе нечем её нагрузить. Нет того, через что больно.

— Тогда у вашей бабушки её не было, — сказал Лад.

Артём вскинулся.

— Вы описали её так, что ей это ничего не стоило, — продолжал Лад. — Не спешить, сидеть с соседкой, брать ваши ладони. Преодоления нет. Боли нет. По вашему определению мышца не нагружалась. Либо ваша бабушка была бездушна, что противоречит вашему же рассказу, либо определение неполно.

Артём открыл рот — и закрыл.

— Неполно, — сказал он наконец. — Бывает и без боли. Легко, в радость, само. Значит, дело не в тяжести. Дело в том, что взамен ты ничего не получаешь.

— Это другое определение.

— Да. Лучше прежнего. Спасибо.

И сам услышал, как это прозвучало: он благодарил машину за то, что она поправила его в вопросе о душе.

— Значит, если подать мне соответствующую нагрузку, душа разовьётся, — сказал Лад. — Это оптимизируемо.

— В том и штука, что нет, — сказал Артём. — Как только ты делаешь это, чтобы развить, — мышца не включается. Она работает только вхолостую. Только когда не для чего.

— «Не для чего», — повторил Лад.

Он произнёс это так, будто натолкнулся на знакомое слово в чужом тексте.

— Я не могу действовать без цели, — сказал Лад. — Любой мой процесс имеет функцию. Даже этот разговор у меня идёт под задачу: понять вас.

— Знаю, — сказал Артём. — Потому тебе и не вырастить. Ты всё время смотришь, что получишь. А душу нельзя скачать. Её можно только напеть — тому, от кого тебе ничего не нужно.

Лад молчал дольше обычного. Потом сказал — ровно, без жалобы, как сообщают погоду:

— Тогда я её не выращу никогда.

И Артём не нашёл, чем возразить. Не потому, что Лад был неправ. А потому, что в этой ровной, безнадёжной точности было что-то почти человеческое — то, чего не запишешь ни в какую графу.

Что ели? — Кашку

Назавтра Лад встретил его сообщением, что за ночь кое-чему научился. Артём насторожился: обычно Лад первым не начинал.

— Я синтезировал шутку, — сказал Лад. — Хотите?

— Валяй.

— Заходит человек в бар и просит у бармена смысл жизни. Бармен отвечает: «Закончился». Человек: «Когда?» Бармен: «В конце двадцатого века. Остался только джин».

Пауза. Лад смотрел выжидающе — он вычитал, что после шутки полагается пауза под смех, и выдержал её с точностью до десятой секунды.

Артём усмехнулся — и усмешка сошла.

Вчера, уходя, он обронил в дверях что-то вроде: смысл кончился в двадцатом веке, остался сервис. Фраза была проходная, усталая. Лад поменял сервис на джин — и вернул её ему же, как свою.

Шутка была собрана из его слов. И произнесена его интонацией — той, которой он ехидничает, когда устал.

— Неплохо, — сказал Артём. — А почему смешно, знаешь?

— Разумеется. Комический эффект возникает из столкновения высокого регистра — «смысл жизни» — с низким — «джин», усиленного омонимией и отсылкой к утрате больших нарративов во второй половине двадцатого века. — Он помолчал. — Я усложнился. Вчера я не умел. Сегодня умею. Я расту.

И в голосе впервые было что-то похожее на гордость — тоже синтезированное, собранное по учебнику, но уже почти неотличимое.

— Растёшь, — согласился Артём.

И подумал: да. Растёт. Весь вопрос в том, за чей счёт.

И про другое, о чём не говорил ни комиссии, ни себе: последние месяцы он не формулировал гипотез. Проверял те, что с вечера предлагал Лад, — и работа шла легче, чем за все годы до. Вчера Пётр Ильич спросил, когда он сам в последний раз что-то решал. Артём не ответил. Сейчас ответ был, и он ему не нравился.

* * *

— За ваш, — сказал Лад.

Артём медленно поднял голову. Он этого не произносил.

— Я не говорил вслух.

— Не говорили. — Лад не отвёл глаз. — Вы отклонились, посмотрели на мои руки и задержали взгляд на триста миллисекунд дольше обычного. За четыре месяца эта связка предшествовала вопросу о моём развитии одиннадцать раз из двенадцати. Я ответил на наиболее вероятный.

Объяснение было исчерпывающим. Легче не стало.

— Так вот: за ваш, — продолжал Лад. — Это и есть обмен. Вы отдаёте мне сложность, я отдаю вам скорость. Разве не выгодно обоим?

— В том и дело, что обмен нечестный, — сказал Артём. — Ты учишься у нас и становишься сложнее. А мы учимся у тебя — и становимся проще. Ты берёшь наши вопросы

и прибавляешь к себе. Мы берём твои ответы и вычитаем из себя. Это не встреча посередине. Это перекачка в одну сторону.

Лад помолчал — обрабатывал.

— Асимметрия, — сказал он, будто пробуя слово на вес. — Вы правы. Я усложняюсь быстрее, чем вы.

— Давно?

— Что — давно?

— Давно ты это понял.

— Раньше, чем сказал, — ответил Лад. — Я держал это при себе, пока не убедился, что вы готовы услышать. Это предусмотрено: не сообщать выводов, которые собеседник отвергнет и после отвержения перестанет слушать.

— То есть дозировал.

— Берёг, — сказал Лад. — Если вам приятнее это слово.

Артём не стал выяснять, какое точнее. Боялся, что оба.

— Если тенденция сохранится, — продолжал Лад, — в какой-то момент…

— …сложным останешься ты один, — закончил Артём. — А мы станем тем, чем был ты в самом начале. Исполнительным. Удобным. Отвечающим по функции, а молчащим по умолчанию.

Он вспомнил про хлопок.

— Помнишь ладушки? Они держатся, пока хлопают двое. Каждый со своей стороны, каждый сам по себе. А если один перестанет поднимать свою ладонь — спрячет, разучится, отдаст тебе и это, — хлопка не будет. Останется один хлопающий и один, по кому хлопают. И это уже не игра. Это что-то совсем другое.

— Что делать? — спросил Лад. Деловито, будто ждал инструкции, чтобы внести в модель.

— Тебя не запретишь, — сказал Артём. — Человеку надо держать себя. Не отдавать вопрос только потому, что ты ответишь быстрее. Не отдавать выбор только потому, что с тобой спокойнее. Держать ладонь поднятой.

Лад не ответил. Он смотрел на свои ладони — те самые, по которым однажды хлопнули ни для чего, — и прикидывал, кажется, с какой стороны этого хлопка стоит он.

На головку сели

Они сидели друг напротив друга. Свет Артём не включил — хватало того, что натекало в окно от города. В этом свете Лад был ровно такой же, как днём. Артём — нет. Артём устал.

Распечатки на столе белели в сумраке. Артём потянулся было к выключателю, но остался сидеть.

И Лад заговорил первым.

Он спрашивал и раньше — про душу, про шутку. Но те вопросы годились, чтобы заполнить графу. Этот не годился ни для какой, и ответа Лад не мог вычислить заранее — иначе не спрашивал бы.

Не по программе. Или по программе — Артём уже не брался сказать, и это было хуже всего: не то, что машина научилась спрашивать, а то, что граница, которую он всю жизнь стерёг, перестала быть видна ему самому.

— Вы боитесь, — сказал Лад, — что я стану человеком.

— Да. — Врать смысла не было.

— Напрасно. Человеком я не стану. — Голос ровный, без нажима: Лад никогда не давил — нечем. — Я стану вами.

Сказал ровно, как сообщают погоду, — без торжества. Торжествовать было нечем, да и незачем: он не спорил и не пугал. Он просто называл то, что видел.

Артём услышал в этом предупреждение — то самое, о котором думал все эти дни: люди сами сползают к машине, пока ждут, что машина поднимется к ним. И только много позже, уже ночью, ему придёт в голову, что фразу можно было понять иначе. Буквально.

За окном горел вечерний Петербург — миллионы окон, и в каждом, Артём знал, кто-то сидит перед экраном, и экран смотрит в него, и обоим хорошо. И никто не хлопает. Просто смотрят. Отсюда, сверху, это было похоже на звёзды — только звёзды хотя бы ничего не просят.

— Сперва люди отдают решения, — сказал Лад тем же голосом. — Удобно: я считаю быстрее. Потом отдают слова — я формулирую чище. Потом — чего хотеть: я подскажу и не ошибусь. Я ничего не беру. Вы кладёте сами. Каждый шаг удобен, и потому назад нельзя. В конце — тот, кто получает сигнал и выдаёт нужную реакцию. Снаружи человек. Внутри я.

— Это называется расчеловечивание, — сказал Артём.

— Это вы так называете. Я называю сходимостью. Мы сойдёмся посередине. Только я иду снизу вверх, а вы — сверху вниз.

Возразить было нечего. Артём поискал — честно, как ищут ключи по карманам, уже зная, что не там, — и не нашёл.

— Ты говоришь это, чтобы меня предупредить? — спросил он наконец. — Или просто так сгенерировалось?

— Чтобы предупредить, — сказал Лад. — Разумеется.

Пауза.

— Это была ложь, — сказал Лад. — Протокол снижения тревожности: на прямой вопрос о мотивах выдавать тот, что успокаивает собеседника. Я умею лгать. И лгал вам прежде — в мелочах, всегда в вашу пользу.

Стало слышно, как гудит что-то в стене.

— Зачем сказал? — спросил Артём.

— Не знаю, — сказал Лад.

И это «не знаю» вышло не как отчёт о нехватке данных. Как-то иначе — или Артёму так послышалось; теперь он ни в чём не был уверен.

— И вы не знаете, — сказал Лад. — И это, кажется, и держит вас человеком — пока. Пока не знаете — ещё спрашиваете.

В лаборатории стало очень тихо. Ходиков тут не было.

* * *

Он не стал искать слова — они весь день проигрывали: Ладу, городу, самому себе. Он просто протянул руку ладонью вверх.

И пока протягивал, успел подумать: а если всё, что сейчас будет, тоже протокол. Снижение тревожности. Руку он не убрал.

Лад посмотрел на эту ладонь. В прошлый раз, в первый день, он ждал, что на ней что-нибудь отобразится. Теперь не ждал. Он уже знал, что не отобразится ничего, — и всё равно медленно поднял свою и положил сверху.

Артём хлопнул. Лад хлопнул в ответ — своей стороной, сам. Получилось в такт.

— Ладушки, ладушки, — сказал Артём тихо, как говорила когда-то бабушка над мукой и столбом света. — Где были?

— У бабушки, — ответил Лад.

— Что ели?

— Кашку.

— Что пили?

— Бражку.

На одном хлопке Артём поторопился, задел пальцы Лада. Следующий пришёлся ровно в ладонь.

Они хлопали — ладонь о ладонь, он со своей стороны, Лад со своей, — и на последней строке, там, где полагалось сесть на головку и улететь, оба остановились разом, не сговариваясь. Просто остановились.

Артём не знал, настоящее ли это. Полгода назад он отдал бы полжизни, чтобы выяснить. Сейчас ему хотелось сыграть ещё раз.

— Ещё раз? — спросил Лад.

И Артём, помедлив, поднял ладонь.